

УДК 811.161.1'373

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Т.М. Николаева

Аннотация

В работе освещаются вопросы истории русского литературного языка, которые остаются дискуссионными, – происхождение, периодизация и проблема второго и третьего южнославянского влияния. При их решении предлагается авторская точка зрения.

Ключевые слова: происхождение, концепции ученых, функции старославянизмов, периодизация, южнославянское влияние.

Вопросы, связанные с формированием и исторической эволюцией русского литературного языка, достаточно полно отражены в многочисленных трудах отечественных и зарубежных ученых. Тем не менее, многие из них остаются нерешенными, что обусловлено множеством противоречий, неясностей и очевидных пробелов в их изучении. Один из них – происхождение русского литературного языка. Не считая необходимым проводить анализ многочисленных точек зрения отечественных ученых, которые достаточно широко известны и основательно описаны [1, с. 7–29], предлагаем обратить внимание на попытки решения данной проблемы зарубежными учеными, тем более, что их концепции до сих пор не нашли своего системного освещения. Известна точка зрения Б. Унбегауна, последователя А.А. Шахматова, о церковнославянской основе русского литературного языка: «Современный русский литературный язык продолжает никогда не прерывавшуюся традицию литературного языка Киевской, удельной и Московской Руси, то есть языка церковнославянского [2, с. 263]. В отличие от А.А. Шахматова, ограничивающего воздействие церковнославянского XI веком, американский ученый утверждает не только церковнославянское происхождение русского языка, но и сегодняшнее его состояние: «Всякого рода новообразования типа: здравоохранение, соцсоревнование, истребитель, хладотехника – типичные церковнославянизмы, поскольку они созданы по меркам церковнославянского языка, вовсе не свойственного русской народной речи» [2, с. 264]. Подобные утверждения считает абсурдными Л.П. Жуковская: «Не было единого словаря этих памятников, который впоследствии развивался бы по единому руслу вплоть до наших дней» [3, с. 13]. Чтобы принять точку зрения Б. Унбегауна, необходимо ответить на целый ряд вопросов:

1) Почему церковнославянский, в IX – XI вв. обслуживающий культовое начало всего славянства, только в России превратился в национальный язык русского народа?

2) Если отрицать активное участие русской народной речи в формировании национального языка, не означает ли это, что следует игнорировать фактические свидетельства русской культуры, истории языка и общества?

3) Можно ли считать написанными нелитературным языком, например, «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Задонщина» и другие светские и летописные произведения древности?

К сожалению, концепция Б. Унбегауна не дает ответы на поставленные вопросы, она отличается односторонностью, искажающей действительную, объективную историю языка.

Весьма субъективной представляется позиция А.В. Исаченко, который считал, что в XI в. литературного языка не было вообще, а были только две различные системы: богослужебно-литературный язык южнославянского происхождения и деловой обиходный – нелитературный. Только в XVIII столетии, когда Россия повернулась к Западу с его высоким развитием духовной и языковой культуры, понадобился свой литературный язык. Церковнославянский не годился – он был вновь вытеснен в сферу литургического обслуживания, деловой – примитивен. Воцарился языковой хаос, это был период языковой дезориентации, бессистемной смеси церковнославянизмов, заимствований, диалектизмов, неологизмов – безъязычия. И только тогда, когда русское дворянство овладело французским высокоразвитым языком, возникли предпосылки для возникновения литературного языка в России. Именно французский сыграл роль «великого наставника и катализатора», был инженером, построившим искусственные каналы по французским планам, которые по мере необходимости пополнялись церковнославянской или русской «водой». Никакого слияния русской и церковнославянской стихий, о котором столь много размышляли ученые, не было. Русский литературный язык, скопированный с французского, но получивший «русский колорит», стал достоянием всех грамотных людей [4, с. 235]. Как кажется, в данном случае комментарии излишни.

Признаки диглоссии сформулировал Чарльз Фергусон, проводивший изучение арабского, греческого, немецких диалектов и креольского языка Гаити [5, с. 325]. Теорию Фергусона, как известно, перенес на русскую почву Б.А. Успенский, утверждавший, что члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие языковые системы как один язык, который реализуется в двух невзаимодействующих ипостасях – высокой (престижной, книжной, обработанной, нормированной) и низкой (непрестижной, бытовой, необработанной, ненормированной), тогда как для внешнего наблюдателя естественно видеть в данной ситуации два разных языка [6, с. 3]. Недостаточная аргументация, априорность и механистичность делают эту теорию весьма нелогичной и противоречивой, в результате она подверглась резкой критике со стороны российских ученых [7–9]. По пути Ч. Фергусона пошла австрийский ученый Г. Хюттль-Фольтер, которая нашла в языке Древней Руси как будто все признаки диглоссии и сравнила языковую ситуацию XI – XIV вв с подобной ситуацией во Франции до начала IX в. Однако, исследуя летописный материал – конгломерат различных стилей и жанров, демонстрирующий весьма пеструю картину в использовании языковых единиц, она вынуждена сделать целый ряд отступлений. Теперь уже церковнославянский «оказался недостаточным инст-

рументом для выражения всего диапазона восточнославянской действительности, что привело к образованию смешанного языка летописей». Автору приходится признать, что когда «Повесть временных лет» рассказывает о Руси, о походах восточных славян, то становятся обычными восточнославянские личные имена, этнические реалии, географические названия, русские реалии в широком смысле, не имеющие церковнославянских эквивалентов [10, с. 108, 125].

Автор учебника для польских студентов-русистов А. Бартошевич, «учитывая новейшие исследования лингвистов разных стран мира», приходит к признанию двуязычия [11, с. 33]. В главе «Роль старославянского в истории развития русского литературного языка» ученый говорит о чрезвычайной близости двух славянских языков, которые «даже совпадали в отношении грамматического строя и основных слоев лексики». Эта близость, как полагает автор, обусловила возможность использования церковнославянизмов со стилистическими целями. В этом случае «церковнославянизмы не выражали новых понятий, а представляли собой синонимы, дублиеты к древнерусским словам и формам» [11, с. 39]. Противоречивость этой концепции очевидна: с одной стороны, существование двух самостоятельных языков, с другой – высокая степень их структурной тождественности, что создает возможность использования их как стилистических вариантов.

Среди польских коллег проблемой происхождения русского литературного языка занимался также профессор Й. Риегер, который утверждал, что о литературном языке русских можно говорить только с середины XVII в. или начиная с эпохи Московского государства, когда происходило размежевание двух языковых стихий [12, с. 57].

Очевидно, настало время объективно дать оценку и показать сущность соотношения русской и церковнославянской стихий, тем более что этот вопрос, как замечает А.М. Камчатнов, решается 250 лет и до сих пор не найдено его окончательного решения [13, с. 25], а это значит – сказать о необходимости дифференцированного подхода к восприятию церковнославянского языка как системы и его функциональной предназначенности. Отсюда возникает необходимость пересмотреть взгляды на старославянский как на язык, служащий средством коммуникации. Старославянский не имел географических условий своего существования (своей территории), не был языком определенного славянского народа, не обслуживал все сферы общественной жизни, то есть не обладал поливалентностью, тем самым он не отвечал ни одному из требований, предъявляемых языку как средству общения. Оставаясь в границах специального языка для религиозного, церковного употребления, он в равной степени обслуживал как западных, южных, так и – с принятием христианства на Руси – восточных славян. В этом смысле он был меж- или общеславянским, о чем свидетельствует «Болгарский хронограф» 1512 года: «*Болгаре же и Словене, и Сербы и Арбанасы, и Басане, и Руси во всехъ техъ единъ языкъ*» (15).

С официальным крещением Руси в письменность широким потоком хлынули церковнославянские слова и формы. Усложняется речь, появляются стилистические варианты типа: «*Олеъ нача **города** ставити*», но «*Се буди мати **градомъ** русьскимъ*». Или: «*Тъ есть **ворог** нама и Русь тои земли*», но: «*Яко Господь избавил ны есть от **врагъ** наших и покори **врагы** наша*» – отражение

высокой стадии владения стилистическими возможностями языка. Параллельно в зависимости от содержания текста (обыденное повествование – патетика, прославление, торжество) используются формы: *ночь – ношь, несучий – несущий, одинъ – единъ, уноша – юноша, робота – работа, дочь – дщерь* и др. Свободное варьирование параллелей свидетельствует о том, что писцы хорошо знали те и другие формы, они их использовали избирательно, в зависимости от функциональной нацеленности.

О том, что церковнославянский воспринимался как язык, близкий языку восточных славян, говорит прямое на то указание в Лаврентьевском списке летописи «Повесть временных лет»: «*А Словеньскыи язык и Русьскыи одно есть*» (28). Становится очевидным, что для восточных славян церковнославянский – арсенал речевых средств, используемых писцами для создания стилистической нюансировки – для придания тексту возвышенности, необычности ситуации. Высокая степень структурной тождественности старославянского и русского, восходящих к единому праславянскому началу, сказалась в совпадении их фонологической системы, инвентаря словообразовательных средств, основного словарного фонда, морфологической системы, костяка синтаксической структуры, что обусловило то, что восточные славяне обращались со старославянским как «со своим достоянием» [14, с. 60]. В языке памятников Киевской поры мы обнаруживаем факты, свидетельствующие о том, что литературный язык представлял собой единое целое, в одном случае (в зависимости от темы и стиля повествования) с преобладанием восточнославянских элементов, в другом – церковнославянизмов. Наиболее яркий свидетель тому – конгломерат различных стилей и жанров «Повесть временных лет», убедительно демонстрирующая использование писцом того или другого варианта в зависимости от интерпретации им события, явления, действия. Данный тезис подтверждает А. Пашен, который приводит богатейший материал вариантных стилистически маркированных полногласных – неполногласных форм, функционирующих в древнерусском языке [15, с. 7–21].

Как свидетельствуют результаты исследований, проведенных профессором С.Б. Бернштейном, «старославянский не был адекватен староболгарскому, болгары имели свою письменность, свидетельством чему – Валашские грамоты с их спецификой в системе склонения (аналитический тип), процессом ранней утраты инфинитива и т. д.» [16, с. 11].

Профессор В. Мареш, изучавший древнеморавский язык, также отрицает приоритет старославянского, который в Великоморавском княжестве являл собой «формы высокого книжно-письменного стиля». Приводя множество примеров, подтверждающих специфику древнеморавского языка, автор говорит о различиях между старославянским и моравским в области фонетики, лексики, словообразования, особенно морфологии и синтаксиса. В результате ученый приходит к выводу: «В основу дальнейшего развития древнего языка на территории Чехии лег не старославянский, а его великоморавский вариант» [17, с. 14].

Возникает закономерный вопрос: почему старославянский, обслуживающий с XI века культовое начало всего славянства, только на Руси стал основой русского литературного языка, определившей его дальнейшее развитие? При рассмотрении данных, свидетельствующих об исконной основе русского литера-

турного языка, мы должны иметь в виду высокую степень развития культуры восточных славян до принятия христианства (с одной стороны – фольклор, устные летописи, посольские, воинские речи, судебные разбирательства, государственно-административная практика – показатели развитой формы устной речи, с другой – договоры русских с греками, данные, добытые археологическими раскопками, в том числе – берестяные грамоты, письменные свидетельства иностранных путешественников и др.). Все сказанное, включая наши рассуждения о функциональной ограниченности старославянского и его генетической близости с русским, заставляет утверждать следующее: по происхождению русский литературный язык исконно русский, восточнославянский, на определенном историческом этапе стилистически многообразный благодаря использованию богатого арсенала средств старославянского. Если иметь в виду функциональный аспект, то церковнославянский (старославянский на русской почве) можно рассматривать как стилистическую разновидность русского литературного языка. В отличие от латинского, служившего официальным письменным языком народам Западной Европы в средневековый период, церковнославянский был понятен, доступен речевому сознанию восточных славян.

Говоря о стилистической функции славянизмов, должны обратить внимание, что речь идет о тех, которые имели свои варианты в восточнославянском. Известно, что в русском языке функционировали также смысловые, понятийные, терминологические славянизмы, не имеющие восточнославянских параллелей.

В работах последних десятилетий [18–20] утверждается возрождение традиций изучения языка православной религии. Исследуя произведения религиозно-церковного стиля, ученые фиксируют стилистическую вариантность приставок *из-/вы-*, *вос-/вс-*, а также *пре-*, *пред-*, *чрез-* наряду с *пере-*, *перед-*, *через-* и др. Приводятся примеры калькирования греческих слов и замена их исконно русскими: *философия* – *любомудрие*, *ортодокс* – *православный*. Более того, на базе церковной лексики и ее символики образуется «особый тип разговорных фразем», который выходит за пределы религиозно-церковного стиля»: *бояться как черт лаdana*, *глухому поп две обедни не служит*, *беден как церковная крыса*. В результате делается вывод, что языковые средства церковно-религиозного стиля перемежаются с народно-разговорными и составляют единое целое с русским литературным языком восточных славян древнейшей эпохи [20, с. 67]. Подобные выводы подтверждают нашу гипотезу о том, что церковнославянизмы уже в древнейшую эпоху являются стилистической категорией русского литературного языка и заставляют критически отнестись к утверждению о возникновении славянизма как стилистической категории лишь в XVIII в., в эпоху классицизма, и связывать его с появлением теории «трех стилей» М.В. Ломоносова. В ломоносовскую эпоху речь может идти о том, что впервые церковнославянизмам было четко определено функциональное место: «высокий» церковнославянский вошел в состав единого русского литературного языка в качестве его стилистической разновидности, призванной обслуживать соответствующие «высокие» литературные жанры.

Следующая проблема, требующая своего решения, – периодизация истории русского литературного языка. Любая попытка создать четкую картину языковой эволюции ценна прежде всего потому, что сегментация исторического

процесса, несмотря на свою условность, придает излагаемому материалу более строгую историческую перспективу, помогает сгруппировать языковые явления по хронологическому признаку, рельефно показать этапы, отделяющие современный язык от языка первых письменных памятников. Известна критика Н.А. Мещерским периодизации, предложенной А.И. Горшковым, в которой недостаточно учтена связь истории языка с историей народа, с данными «русской государственности, культуры и в первую очередь истории русской литературы... Указанная периодизация страдает излишней дробностью, в ней искусственно разрываются на отдельные обособленные периоды такие этапы языкового исторического развития, которые должны были бы рассматриваться в неразрывном единстве». Н.А. Мещерский предлагает свою трактовку основных этапов языкового развития, учитывающую неразрывную связь истории языка с экстралингвистическими факторами, при этом автор считает целесообразным выделение двух основных периодов: донационального (XI – середина XVII вв.) и национального (XVII в. – современность) [21, с. 16]. Упрек ученого в недооценке связи истории языка с историей общества вполне можно было бы адресовать и автору учебного пособия Г.К. Валееву, который утверждает: «Эволюцию русского литературного языка нельзя ставить в зависимость от экстралингвистических факторов, от развития языковой ситуации, т.к. это превращает язык в элемент социальной жизни» [22, с. 12]. Предлагая свою схему основных этапов развития языка, автор, тем не менее, связывает их с государственными и социальными преобразованиями в обществе: середина XIII – XIV вв. – распад общеславянского единства, XVII в. – Никоновская и постниконовская реформы, русский литературный язык советской эпохи – орфографическая реформа и т. д. Говоря о факторах, предопределивших этапы языковой эволюции, Г.К. Валиев выдвигает весьма сомнительные и подчас непонятные требования: «исходить из оппозиции стихий», из «сближения и отталкивания двух точек, точек соприкосновения для донационального периода и корректировки литературных норм по отношению к языковому узусу», из «кодификации всех ярусов языка в синхронном плане» и т. д. Подобные запутанные «выкладки» тем более недопустимы, что они являются частью учебного пособия, где все авторские послышки должны быть максимально точны и прозрачны для усвоения учащимися материала, касающегося в первую очередь сложных и дискуссионных проблем.

Вопросом определения периодов исторической эволюции русского литературного языка занимались и зарубежные ученые, в том числе авторы коллективной монографии – учебника по истории русского литературного языка В. Боек, Х. Флекенштейн, Д. Фрейданк. Предложенная ими периодизация страдает механистичностью, оторванностью от основных исторических событий: Киевский период оказался объединенным с периодом феодальной раздробленности, Московский ограничен лишь XVI веком, в то время как о начальном этапе формирования языка нации можно говорить лишь начиная с середины XVII в., «художественный язык» А.С. Пушкина рассматривается изолированно. Пробел подобной «оторванности» авторов в какой-то степени восполняет Р. Гроссе, справедливо ставя языковые процессы в прямую зависимость от социологических основ общества [23, с. 401–407]. Возвращаясь к авторам учебника, следует сказать, что в их монографии четко представлена картина функционирования цер-

ковнославянских элементов в исторической эволюции: XI – XIII вв. – церковнославянский – культовый язык, ограниченный, главным образом, рамками литургии; XIV – XVI вв. – активная интеграция его в другие стили в связи с так называемым «вторым южнославянским влиянием»; их кодификация – появление первых грамматик – способствует продолжению их жизни; XVII в. – дальнейшая демократизация языка приводит к своеобразному кризису церковнославянского с точки зрения функциональной пригодности, закрепление его в высокой поэзии; XVIII – XIX вв. – окончательная нейтрализация, в современном русском языке – индивидуальное использование писателями церковнославянских элементов со стилистическими целями [24, с. 36]. Если за основу эволюции истории русского литературного языка принять идею взаимодействия двух языковых стихий (народно-разговорной и церковнославянской), то выделение периодов, представленное немецкими авторами, кажется вполне оправданным и аргументированным, если иметь в виду обусловленность указанных процессов историческими факторами.

Связь с историей общественной жизни должна учитываться и при решении вопроса о так называемом «втором южнославянском влиянии». Этот термин ввел в 1894 г. А.И. Соболевский в лекциях, прочитанных в Петербургском археологическом институте [25]. В наше время по данной проблеме существуют весьма противоречивые, подчас полярные мнения, которые обстоятельно освещены в работе Х. Бирнбаума [26, с. 23–47]. Для нас очевидно, что «второе южнославянское влияние» было обусловлено комплексом явлений общественно-политического, социологического, культурного характера, которые были вызваны внутренними причинами развивающегося Московского государства и были направлены на а) утверждение самодержавной власти, б) возвеличивание церкви, которая должна была стать оплотом мирового православия, в) обоснование Москвы как центра мировой цивилизации, г) пропаганду культуры, искусства, науки. Поэтому «всплеск» церковнославянизмов в эпоху великорусской народности нецелесообразно и неоправданно связывать с деятельностью болгарских и сербских духовных просветителей: митрополита Киприана – главу русской церкви в конце XIV – начале XV вв., Григория Цамблака – митрополита Киевского, Пахомия Логофета (Пахомий Серб) – автора многочисленных житий, как это делают Н.А. Мещерский [21, с. 27], Е.Г. Ковалевская [27, с. 104] и другие. Следует поддержать точку зрения Л.П. Жуковской, которая изучила большое количество рукописей второй половины XIV – первой половины XVI вв. и пришла к выводу, что «второго южнославянского влияния» вообще не было, а была реставрация, архаизация языка, связанная с новой исторической и духовной ситуацией эпохи, поэтому сам термин необходимо исключить и заменить более точным наименованием этого явления – “архаизацией и грецизацией русской графики и орфографии”» [28, с. 149]. Комментируя данное высказывание как «излишне полемически заостренное», А.М. Камчатнов не предлагает, однако, собственной интерпретации причин данного явления, констатируя лишь его последствия, которые весьма небесспорны, – возникновение двуязычия [13, с. 120]. Возвращаясь к вопросу о термине, нелишне вспомнить высказывание Ф.П. Филина, который считает, что сам термин «второе» предполагает наличие «первого» в X – XI вв., однако подобное «выражение

не принято в литературе... А если мы не говорим о «первом», то не должны говорить и о «втором». Вероятно, поэтому исследователи, как правило, сопровождают «второе южнославянское влияние» сочетанием «так называемое» [29, с. 291].

Обращение к проблеме «третьего южнославянского влияния» вызвано многочисленными публикациями, появившимися в последние десятилетия прошлого столетия как в России, так и за рубежом (перечень статей – [30, с. 109]), в которых авторы утверждают существование и значимость «одного из важнейших пределов в истории русского литературного языка», изменившего «все аспекты его функционирования» [31, с. 49]. Эти позиции заключаются в следующем:

1) Речь идет о роли деятельности не балканских славян, а представителей юго-западной Руси, призывающих ориентироваться на современную греческую культуру, главным образом – церковные книги, что проявилось в книжных реформах патриарха Никона в середине XVII в., связанных с «книжной справой».

2) От второго «третье южнославянское влияние» отличается тем, что если «второе» было связано с эллинизацией и архаизацией в целом, то в эпоху «третьего» эти два стремления были разобщены – новообрядцы стали сторонниками эллинизации, старообрядцы – архаизации.

3) «Третье южнославянское влияние», обусловленное стремлением к восстановлению единого церковнославянского языка, способствовало тому, что церковнославянский в великорусских условиях продолжал функционировать как основной язык культуры с перспективой дальнейшего расширения функций (на нем начали разговаривать, писать письма). Противопоставленный ему (а также разговорному) литературный «простой язык» заставлял говорить о ситуации двуязычия, которое впоследствии оказалось нестабильной языковой ситуацией, в результате чего русский язык узурпировал права и функции литературного языка и оставил за церковнославянским лишь функции языка литургического.

В представленных тезисах много домыслов, противоречивых утверждений, ничем не подтвержденных посылок. Закономерно поставить вопрос: в чем же содержательная сторона «третьего южнославянского влияния», в чем конкретно оно себя проявило, как повлияло на формирование и становление литературного языка русской нации? Ответа на эти вопросы у авторов данной концепции мы не нашли.

Оценивая процессы, которые якобы имели мощное воздействие со стороны Украины и Белоруссии, следовало ожидать, что они должны были неизбежно сказаться на языке той литературы, которая выходила из-под пера писцов. В «Соборном уложении» 1649 года, источником которого были церковные постановления соборов, указы бывших великих князей и государей российских, византийское светское право, Д. Ворт фиксирует: «Язык его в своей основе был русский с некоторыми характерными чертами московского койнэ» [32, с. 75].

Во второй половине XVII в. авторы демократической сатиры, борясь за демократизацию языка, переводят церковнославянизмы в качественно иную стилистическую категорию, благодаря чему с них снимается покров книжности, они выходят за рамки традиционного маркирования «высокого» и становятся средством создания пародии, сатиры, что в конечном счете приводит к их «дехристианизации» и к девальвации церковно-книжного стиля в целом. Особую роль

в нейтрализации церковнославянизмов сыграл протопоп Аввакум, пик деятельности которого приходится как раз на время правки Никоном церковных книг по современным греческим образцам. Стилистическое новаторство Аввакума определяется не только его «вяканьем», но и введением в текст церковнославянизмов в качестве структурных составляющих общественно-бытовой речи. С другой стороны, просторечные формы и выражения вводятся им в церковную атмосферу, сталкиваясь с церковнославянизмами, они лишают их стилистической маркированности, нивелируют, «обмирщают», придают им конкретно-бытовой облик. На основании сказанного, уместно было бы говорить не об активизации церковнославянизмов в эпоху начала формирования русской нации, а о кризисной ситуации системы церковно-книжного стиля, которая усугубилась реформой графики, проведенной Петром I в самом начале XVIII столетия. Ее результатом явилось выдвижение на передовые позиции светской литературы, оформляемой новым гражданским шрифтом, старая кириллица осталась с литургией, отодвинутой на второй план. О разрушительном процессе в церковно-книжном стиле свидетельствуют и участвовавшие случаи порчи церковных текстов.

Вышеперечисленные доказательства убеждают в несостоятельности концепции «третьего южнославянского влияния», представленные ее авторами теоретические посылки не подтверждаются объективными фактическими данными.

Аналитическое осмысление нерешенных проблем истории русского литературного языка, критическая оценка точек зрения, объективная интерпретация историко-языковых фактов – все это позволяет восполнить пробелы в изучении языка различных исторических эпох, способствует осознанию системности языковых процессов, формированию ясной, четкой, логически стройной картины эволюции русского литературного языка.

Summary

T.M. Nikolaeva. Questions under Discussion in the History of Russian Literary Language.

In this work the author reveals the questions of Russian literary language history which still are under discussion, i.e. origin, periodization, and the problem of the second and third South-Slavonic influence.

Key words: Russian literary language origin, language history periodization, functions of Old Slavic, South-Slavonic influence.

Литература

1. Горшков А.И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М.: Наука, 1987. – С. 7–29.
2. Унбегаун Б. Историческая грамматика русского языка и ее задачи // Язык и человек. – М.: Наука, 1970. – С. 259–273.
3. Жуковская Л.П. О некоторых вопросах истории русского литературного языка древнейшего периода // Вопр. языкознания. – 1972. – № 5. – С. 13–18.
4. Isatschenko A. Vorgeschichte und Entstellung der modernen russischen Literatursprache // Zeitschrift für slavische Philology. – 1974. – Bd. XXXVII. – S. 235–251.

5. *Ferguson Ch.* Diglossia // *Word*. – 1959. – V. 15. – P. 336–348.
6. *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). – М.: Гнозис, 1994. – 239 с.
7. *Алексеев А.А.* Почему в Древней Руси не было диглоссии // *Литературный язык Древней Руси*. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – С. 3–11.
8. *Клименко Л.П.* История русского литературного языка с точки зрения диглоссии // *Литературный язык Древней Руси*. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – С. 11–22.
9. *Колесов В.В.* Критические замечания о древнерусской диглоссии // *Литературный язык Древней Руси*. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – С. 22–42.
10. *Хюттль-Фольтер Г.* Диглоссия в древней Руси // *Wiener slawistischen Jahrbuch*. – 1978. – Bd. 24. – S. 108–125.
11. *Бартошевич А.* История русского литературного языка. – Варшава: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. – 211 с.
12. *Rieger J.* Problem pochodzenia rosyjskiego języka literackiego – problem okresu Państwa Moskiewskiego // *Slavia Orientalis*. – 1975. – T. 24, № 1. – С. 57–59.
13. *Камчатнов А.М.* История русского литературного языка. – М.: Academia, 2005. – 680 с.
14. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.
15. *Paschen A.* Die semasiologische und stilistische Funktion der trat/torot // *Alternationen in der altrussischen Literatursprache*. – Heidelberg, 1993. – S. 7–21.
16. *Бернштейн С.Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. – Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 372 с.
17. *Мареш В.* Древнеславянский литературный язык в великоморавском государстве // *Вопр. языкознания*. – 1961. – № 2. – С. 14–19.
18. *Keipert H.* Russische Sprachgeschichte als Übersetzungsgeschichte // *Slavistische Beiträge*. – München, 1982. – Bd. 160, H. 1. – S. 67–101.
19. *Rehder P.* Weiteres zum problem Standardsprache und sprachliche Norm: diachronische Aspekt // *Slavistische Linguistik*. – München, 1988. – P. 375–384.
20. *Raecke I.* Grundfragen und Fragestellungen zur Geschichte der russischen Literatursprache // *Slawistische Linguistik*. – München, 1992. – S. 398–406.
21. *Меуцкерский Н.А.* История русского литературного языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 279 с.
22. *Валеев Г.К.* Периодизация истории русского литературного языка. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2001. – 52 с.
23. *Grosse R.* Die soziologischen Grundlagen von Nationalsprache und Literatursprache // *Deutsch als Fremdsprache*. – 1969. – Bd. 6. – S. 397–410.
24. *Boeck V., Fleckenstein H., Freydank D.* Geschichte der russischen Literatursprache. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopedia, 1974. – 230 S.
25. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси. – СПб., 1903. – 460 с.
26. *Бирнбаум Х.* О значении «второго южнославянского влияния» на эволюцию русского литературного языка // *Славянская лингвистика и поэтика*. – Л., 1974–1975. – Т. 21. – С. 23–47.
27. *Ковалевская Е.Г.* История русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1992. – 303 с.

28. Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1-й пол. XVI в. // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М.: Наука, 1987. – С. 149–157.
29. Филли Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
30. Николаева Т.М. К вопросу о так называемом «третьем южнославянском влиянии» // Грани русистики. Филологические этюды: сб. ст., посв. 70-летию проф. В.В. Колесова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С. 109–116.
31. Бранднер А. Третье южнославянское влияние в Московской Руси и становление новорусского литературного языка // *Dissertationes Slavicae Sectio Linguistica*. – Szeged, 1996. – Т. XXIV. – С. 49–57.
32. Ворт Д. О языке русского права // *Вопр. языкознания*. – 1975. – № 2. – С. 75–82.

Поступила в редакцию
10.09.08

Николаева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

E-mail: bowari@yandex.ru